

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ:

Кудьтурр. - 1998 -
192 авг. - с. 4

Я сыграю им с какого-нибудь... облака

Кто бы мог подумать, что участие в Сахаровском фестивале искусств Мстислава Ростроповича кроме высочайшего художественного уровня придаст ему и еще одно, дополнительное измерение, связанное с возрождением лучших традиций российского благотворительства. Впрочем, нет, что-то подобное как раз можно было предполагать. Недаром его давний друг, нижегородский дирижер Израиль Гусман (это именно к нему в 62-м Ростропович приехал с идеей проведения первого в Советском Союзе фестиваля современной музыки), говорит, что ему всегда было тесно в рамках только музыкальных и всегда не хватало какой-то особой деятельности.

Отношения Ростроповича с Нижегородской губернией (он называет именно так — не область, а губерния) и фестивалем, носящим имя его друга, человека, которого он не боится называть святым нашего времени, А.Д.Сахарова, развивались, как выразилась однажды руководитель Нижегородской филармонии Ольга Томина, по закону крещендо. На первый фестиваль maestro прислал телеграмму, на втором присутствовал в качестве почетного гостя, и вот уже два года город, который начиная еще с середины прошлого века «музичировал так, как не всякому городу удается», в счастливом замирании слушает волшебную виолончель Ростроповича.

В прошлый свой приезд сбор от концерта, включая гонорар, он передал на реконструкцию детской больницы и родильного отделения в поселке Ваца в 110 километрах от Нижнего Новгорода.

В нынешний приезд между концертами в Нижнем и закрытом городе ядерищиков Сарове он успел съездить вместе с американцами — друзьями и сотрудниками своего благотворительного фонда — в Вацу, чтобы пустить там установку для очистки воды (для Нижегородской области, да еще отдаленного района ее, дело вообще актуальное), осмотреть больницу, познакомиться с крестником (первого появившегося на свет в новом вачском родильном доме мальчика, естественно, назвали Мстиславом) и послушать григоровский «Танец Анитры» в исполнении местной юной пианистки.

— Мы ведь не живем с Галей в России постоянно, поэтому, может быть, некоторые вещи нам как раз виднее. Здесь, в деревне близ Ваца, мы видели — восстанавливается храм. Священник там молодой, окончивший университет, поехал туда как подвижник... Нет-нет, я думаю, еще в этом поколении начнется настоящее возрождение России! А дети в российской деревне — это откровение для мира! Ведь в Америке, Англии культурный уровень деревни такой же, как и городской, и дети там не являются загадочным феноменом, это дети цивилизации. А дети российской глубинки могут поразить — это может быть будущий Мусоргский или Пушкин! И, знаете, этот потенциал России чувствуют (может быть, предчувствуют) на Западе. Недаром же Вашингтон задумал огромный фестиваль русского искусства. Я не думаю, что мы находимся на низшем витке спирали — наша музыкальная культура тому доказательство. Имена, которые звучат на европейских сценах... И думаю, какой-то новый взлет, новый виток начнется, когда это поколение — Кисин, Венгеров — вернется в Московскую консерваторию, станет преподавать. А они вернутся! Мы все сделаем, чтобы наша страна стала желанной для их возвращения.

Сегодняшний мой приезд еще и связан с моим совместным проектом — с Нижегородским филиалом Инкомбанка. Мы подписали протокол о намерениях и решили создать Фонд поддержки юных дарований Нижегородской губернии. Организовав такой фонд в Москве, я оставил там свою премию «Лория», это достаточно большая сумма, 250 тысяч долларов, и сделал из нее двадцать именных стипендий для студентов, я дал этим стипендиям имена Масковского, Прокофьева, Шостаковича, Ойстраха, Гилельса, Рихтера... Сейчас вот, когда эту премию получил Шнитке, его жена, Ирина Федоровна, позвонила мне и сказала, что выделяет сум-

му, достаточную еще для одной стипендии, и я сразу сказал, что эта стипендия, предназначенная для молодого композитора, будет носить имя Шнитке. В Нижегородском фонде я оставляю свой гонорар и очень хочу, чтобы эти стипендии вручали бы, во-первых, очень скромно, без шумихи, во-вторых, не только, может быть, студентам консерватории, но и совсем маленьким детям, ученикам музыкальных школ из деревень, сельских районов области: для них вопрос селекции, начала карьеры всегда труднее, чем в большом городе.

— Мстислав Леопольдович, расскажите, пожалуйста, подробнее о Фонде Вишневецкой — Ростроповича? Почему у фонда исполнительный директор — американец?

— Наш с Вишневецкой фонд был организован шесть лет назад в Вашингтоне, потому что в Вашингтоне у нас много друзей и много возможностей для спонсорства. Деятельность фонда направили в одно только русло — помощь педиатрии в России. Фонд собирает деньги. Я тоже даю туда деньги, для чего играю концерты в разных городах мира. Недавно, например, мы сделали довольно успешный концерт в русском посольстве в Вашингтоне: я организовал там столики по десять человек (приглашали семьями) и сказал: буду играть на заказ, скажут «Очи черные» — буду играть «Очи черные». Тогда мы собрали большие деньги. Недавно я тоже летал на концерт в Вашингтон — еще сто тысяч собрали для фонда. Фонд сотрудничает с компанией «Бристол — Майерс Сквибб», это крупнейшая компания, выпускающая хирургические инструменты, медицинское оборудование, детское питание. Она имеет филиалы по всему миру, в том числе в Москве. Кстати, они первые стали не только завозить, но и производить в России оборудование. Открыли свой собственный научный центр. Вместе мы много сделали для поддержки

это чудо не испортится, конечно. Такая вероятность существует, потому что папа взялся за менеджство. На Западе, как правило, чем меньше престиж у оркестра, тем больше они платят, а большие оркестры платят меньше — считается за честь сыграть с ними. Но папа пока предпочитает брать деньги!..

— Как, на ваш взгляд, изменится классическая музыка в третьем тысячелетии?

— Это очень трудно предполагать... Классическая музыка является как бы зеркалом времени: каково будет время, такова будет и музыка. Вот за границей спрашивают довольно часто: скажите, если бы не было тирании, не было бы этой, как ее называли, советской «империи зла», были бы такие люди, как Сахаров, Шостакович? Нет, не было бы. Потому что в огромных талантах, в людях, которые обладают сверхчеловеческой силой, эта сила дает сопротивление злу. И эта огромная сила сопротивления у Шостаковича — в музыке, у Сахарова — в его гражданских выступлениях, у Солженицына — в его литературе, его полемике, публицистике. В Америке ведь тоже есть талантливые люди, скажем, мой друг, замечательный композитор Бернштайн. Но его музыка, талантливая, интересная, отражает американский взгляд на жизнь и американскую жизнь: не ищите там трагедий, глубин борьбы духа, внутренних каких-то конфликтов!.. А как будут писать композиторы в XXI веке? Не знаю... Знаете, я, может быть, странное слово скажу: мы должны набраться терпения. Я знаю, что терпение может лопнуть, но я ненавижу людей, которые растравляют эти раны! И руководят тем, чтобы люди выходили на площадь, требовали смены системы. Я считаю, судить нужно за такие действия... А еще я думаю, если в XXI веке у нас наконец высадутся инопланетяне (улыбка)... А что? Может, это нас встряхнет, мы вспомним, что мы — земляне!.. Что бы я им сыграл?

Фото Д. КОСОЛАТОВА

педиатрии в Санкт-Петербурге, Оренбурге. Теперь вот Нижний Новгород... Кроме этой установки для очистки воды, которую мы пустили в Вацу, мы хотим еще провести вакцинацию детей Нижегородской губернии — сделать поколение чистым. Видите, я все время говорю — «мы»? Я считаю себя сотрудником «Бристол — Майерс Сквибб»: когда Джеффри Лак (вице-президент компании — Ред.) говорит: «У нас 55 тысяч сотрудников в мире», я добавляю: «Пятьдесят пять тысяч и один!» — и, вы знаете, я бы очень хотел, чтобы усилия этих людей были бы замечены.

— А в музыкальной жизни что вас порадовало в последнее время?

— Я знаю, новое поколение виолончелистов меня поражает! Если не сказать — потрясает. Прошло уже шесть конкурсов моего имени в Париже... А надо сказать, для обязательной программы этого конкурса пишут такие композиторы, как Шнитке, Пендерецкий, молодые есть интересные композиторы. Так вот, на предпоследнем конкурсе была девочка, корейка, двенадцати лет. А я был в условиях конкурса поставить начальный возраст. И вот эта двенадцатилетняя девочка — это просто чудо из чудес! Если

Ну-у, к сожалению, я уже только там сыграть смогу... (мечтательно). Но что-нибудь сыграю. С какого-нибудь облака!

— О сегодняшней России: поддерживаете ли вы отношения с Солженицыным?

— Меня просто возмущает, как у нас, русских, теперь, в наше время, не хватает благородства! Особенно в средствах массовой информации можно такое иной раз прочитать, что стыдно. В адрес Вана Клиберна, например, когда он приехал на презентацию моих стипендий: «Подозрительно, что он имеет время ездить, для большого артиста это значить, что его не приглашают играть». Какое хамство! А он только что сыграл с филармоническим оркестром Второй концерт Рахманинова. И в отношении к Солженицыну мы тоже позволяем себе столько откровенного хамства! Мы ничего не помним! То, что он сделал в свое время, не оценимо. Это великий подвиг человеческий. Поэтому я его очень люблю, ценю и уважаю. И сейчас я иду повод приехать в Москву специально на день, чтобы дать концерт в честь его 80-летия, и все деньги отдам в его фонд.

Материал подготовила
Елена ЧЕРНОВА
Нижний Новгород